Метаморфозы метаморфозы, в мифологии превращение одних существ или предметов в другие.В наиболее архаичных своих формах М. отражают существеннейшие черты ранней мифопоэтической мысли: представление о тех нечётких (расплывчатых) множествах, членами которых могут быть боги наравне с животными, людьми и неодушевлёнными предметами, иногда переходящими друг в друга благодаря М.; осознание непреодолимых границ между разными царствами («тот свет» и «этот свет», «мир живых» и «мир мёртвых»), благодаря чему переход из одного в другое возможен лишь посредством обязательных М.; наконец, рассмотрение предметов и существ как возможных обиталищ (часто временных) того или иного духа или бога (что и составляло древнюю обрядовую основу мифологических М.).

Самый архаический вид М. связан с тотемическими представлениями (в австралийской мифологии и др.). В дальнейшем М. становятся формальным приёмом сюжетосложения (в частности, внутри волшебной сказки).

Во многих космогонических мифах исходным материалом, из которого благодаря М. возникают части мироздания или земли, служит тело убитого чудовища или другого мифологического существа. Так, в ацтекском мифе боги Кецалькоатль и Тескатлипока разрывают на части богиню Тлатекутли, превращают её волосы в деревья, цветы и травы, глаза в источники, рот в потоки, плечи в горы и т. п.; сходные М. претерпевает расчленённое тело чудовища Тиамат в аккадской мифологии; в ряде индоевропейских мифологических традиций части вселенной и земли возникают благодаря М. расчленённого тела умерщвлённого первого человека: Имира в скандинавской мифологии, Пуруши в ведийской мифологии, перволюдей в среднеиранских и восточнославянских текстах.

Иногда первичным материалом для создания частей земли (или земного ландшафта) служат не сами существа, а их выделения (в дагомейской мифологии горы это экскременты змеи-радуги Айдо-Хведо); в гротескном плане подобные М. нередко фигурируют в мифах о трикстерах (койот у североамериканских индейцев, ворон у коряков и др.).Одним из наиболее характерных видов М. богов и некоторых других мифологических персонажей являются их временные превращения с последующим возвращением к первоначальному виду (см. Оборотничество). Это характеризует большинство древнеегипетских богов (Ра, Гор и др.), героя кетского мифа разорителя орлиных гнёзд (спасаясь от преследователей, он последовательно превращался в горностая, в трёхногого коня, оленя).

Сравнение мифов о преследовании с этиологическими мифами показывает, что постоянной остаётся сюжетная схема ряда М. центрального мифологического персонажа. Мотивировка М. может меняться, но существенно, что во всех случаях развитие мифологического сюжета осуществляется благодаря серии М. главного героя.Особый вид представляют собой М. неодушевлённых предметов, когда (чаще всего благодаря чудесному воздействию богов или других персонажей) эти предметы оживают.

М. фигурок из дерева (или из глины), которых герой превращает в людей (а затем усыновляет), характерны для северо- и центральноамериканских индейских и палеосибирских юкагирских и енисейских (кетских) мифов. Позднейший след аналогичных сюжетов сохраняется в сказочном фольклоре в рассказах об оживающем человечке из дерева и в их литературных обработках (Пиноккио, Буратино и т. п.).

В мифах многих народов Евразии (особенно Восточной Азии) и Америки в распространённом мотиве магического бегства спасающийся от преследования герой бросает позади себя последовательно предметы (чаще всего три), которые благодаря М. преграждают путь его преследователям (ср. статьи Идзанаки и Идзанаму, Вяйнямёйнен). Аналогичного характера М. в самодийских, юкагирских, чукотских и других мифах того же сюжета.

В мотиве магического бегства совпадает не только число и характер бросаемых предметов (материала, претерпевающего М.), но и характер препятствий, возникающих благодаря М. этих предметов на пути преследующих. М. предметов, бросаемых во время магического бегства, и М. самого преследуемого героя и его преследователя нужно рассматривать как разные варианты единого мифологического мотива М.Смерть переход в царство мёртвых в мифологии обычно рассматривается как М.: превращение человека (чаще его души либо одной из его душ, если предполагается множественность душ у одного человека) в животное (чаще всего в птицу; иногда это превращение происходит не сразу после смерти, а спустя несколько лет, как в мифах ацтеков о небесном доме солнца), в человека другого пола (по древнемексиканским представлениям, умершая роженица становилась воином в образе женщины, надевала на том свете воинские доспехи и украшения) и т. п.В некоторых мифологических традициях животные выступают не только как результат М., но и как материал М., при этом часто М. окутана тайной и считается постыдной (у фон в Африке, если потомков царицы назовут детьми леопарда, они должны покинуть страну).

Достаточно распространены также М., результатом которых является превращение в

растения.Особенно распространённый вид М. (в мифах Южной Азии, Австралии, Океании, Южной Америки и др.) превращение мифологических существ (или исторических персонажей) в камень (или каменное изваяние).По способу превращения можно разделить М. на временные (обычно характерные для богов и других высших мифологических существ) и постоянные (более характерные для человека или его души). Однако учение о перевоплощении или переселении душ (метампсихозе), в частности в его развитых формах в индейских мифологических и религиозно-философских системах, допускает длинный (в принципе бесконечный) ряд М. и для людей (и их душ).В позднейшей литературной традиции (как древневосточной, так и античной) М. сохраняются как излюбленный сюжет, но подвергаются переосмыслениям.

В поэме Овидия «Метаморфозы» собраны многочисленные мифологические сюжеты, касающиеся М. (см. статьи Нарцисс, Гиакинф, Актеон, Арахна, Прокна, Дафна, Миниады и др.), но они нередко подвергнуты рационалистическому осмыслению; поэт выдвигает на первый план такие черты или признаки существ, подвергающихся превращениям, которые делают сами М. более понятными с точки зрения обыденного мышления (ср. «Золотого осла» Апулея). В европейской и американской литературе времени романтизма (Э. Т. А. Гофман и др.) сюжеты, связанные с М., иногда получают новое осмысление в духе поэтики иррационального, сохраняя древние архетипические истоки.

Классическим образцом нового осмысления в литературе XX в. мотива М. человека (сохраняющего все черты своей психологии), превращающегося в животное (насекомое), является повесть Ф. Кафки «Превращение». В поэзии (И. Анненский, А. Ахматова, П. Валери и др.) и в изобразительном искусстве широко используется мотив окаменения человека (или пары людей), их превращения в камень.

Литература :

Богораз-Тан В. Г., Миф об умирающем и воскресающем звере, в сб.: Художественный фольклор, 1, М., 1926, с. 66 71;
Иохельсон В. И., «Магическое бегство» как общераспространенный сказочно-мифологический эпизод, в кн.: Сборник в честь семидесятилетия проф.

Д. Н. Анучина, М., 1913, с. 155 66;
Пропп В. Я., Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946;
Aarne A., Die magische Flucht. Eine Märchenstudie, Hels., 1930 (Folklore Felloros communications, v. 33, № 92 93);
Firth R., Twins, birds and vegetables: problems of identification in primitive religious thought, «Man», 1961, v. 61;
Hocart A. M., Turning into stone, в его кн.: The life-giving myth and other essays, 2 ed., L.,

1970, p. 33 39;
Kees H., Totenglauben und Jenseitsvorstellungen der Alten Agypter. Grundlagen und Entwicklung bis zum Ende des Mittleren Reiches, 2 Aufl., B., 1956;
его же, Der Götterglaube in Alten Agypten; 2 Aufl., B., 1956;
Lévi-Strauss C., La pensée sauvage, P., 1962;
его же, Mythologiques, t. 1, 4, П., 1964 71;
его же, La vole des masques, v. 1 2, Gen., 1975;
Streh1ow T. G. H., Aranda traditions, Melb., 1947;
его же, Personal monototemism in a polytotemic community, в сб.: Festschrift für Ad. K. Jensen, Bd 2, Münch., 1964, S. 723 54.